

БУЦИНСКИЙ П.Н.

**СУРГУТ И
СУРГУТСКИЙ УЕЗД**

(1594-1645 гг.)

Харьков, 1893 г.

65.5(2155)1

Б94.

Сургут и Сургутский уезд (1594-1645г.)
// Буцинский П.Н. К истории Сибири:
Сургут, Нарым и Кетск до 1645г. -
Харьков, 1893. - с. 57-72.

Къ исторіи Сибири.

- 57 -

Проф. П. Н. Буцинскаго.

Сургутъ и Сургутскій уѣздъ (1594 г.—1645 г.).

Историческій матеріалъ приводитъ насъ къ убѣжденію, что русское владычество въ Сибири прежде всего „опнулось“, по выраженію Словцова, на правомъ берегу р. Оби, при впаденіи въ нее Иртыша, въ Обскомъ городкѣ, построенномъ Мансуровымъ еще въ 1585¹⁾. Остяки, жившіе здѣсь, назвали его Руть-Вать, т. е. русскій городъ, такъ какъ этотъ городокъ былъ первымъ въ Сибири, основаннымъ русскими завоевателями. Миллеръ несправедливо говоритъ, что Обскій городокъ существовалъ только одну зиму и будто-бы опый навсегда былъ покинутъ русскими послѣ оставленія его Мансуровымъ весной 1586 г.²⁾ Нѣтъ, этотъ городокъ существовалъ цѣлыхъ девять лѣтъ и разрушенъ только въ 1594 г. Но въ немъ не было постоянного населенія, а жили „годовальщики“, присылаемые изъ Тобольска для удержанія въ повиновеніи обскихъ остяковъ и сбора съ нихъ ясака. Эти годовальщики, двигаясь далѣе и далѣе вверхъ Оби за сборомъ ясака, скоро столкнулись съ Нѣгой (нестрой) Ордою или нарымскими остяками, находившимися въ то время подъ властью своего князя Вони, и захватили въ

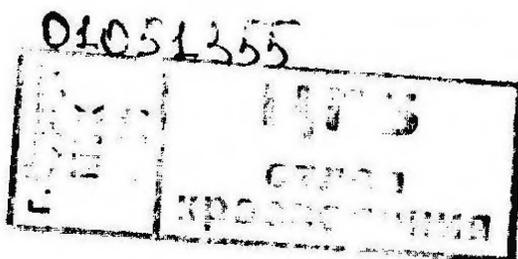
¹⁾ См. мое изслѣд. „Заселеніе Сибири...“ стр. 82.

Въ Историческомъ атласѣ пр. Замысловскаго (изд. 1887 г.) на картѣ № 9, мы видимъ городъ „Обскій Большой“ на правомъ берегу Иртыша, не далеко отъ впаденія этой рѣки въ Обь. Но такого города никогда не существовало. Если онъ подъ Обскимъ большимъ разумѣеть городокъ, построенный Мансуровымъ, то а) этотъ послѣдній находился на правомъ берегу Оби, а б) никогда не назывался большимъ и, вѣроятно, былъ самымъ малымъ изъ всѣхъ сибирскихъ городковъ. Въ книгѣ „Бол. Черт.“ на стр. 213 есть названіе Обскій большой, но это названіе относится не къ городу, а къ Обскому большому поряму или протоку; во время составленія Больш. Чертежа, Обскаго городка, основаннаго Мансуровымъ, уже не существовало.

²⁾ „Опис. Сиб. Царства“ стр. 157—158.

„Записки Императ. Харьк. Унив.“, вып. II, 1893 г., ч. неоффиц. (з).

5

плѣнъ сына послѣдняго Урунка. Когда объ этомъ узнало русское правительство, то рѣшилось воспользоваться этимъ плѣнникомъ для подчиненія своей власти князя Воня съ его народомъ. Но изъ Обскаго города вслѣдствіе отдаленности его отъ Пѣгой Орды, довольно трудно было управиться съ княземъ Воней, имѣвшимъ до 400 человекъ войска; поэтому Ѳедоръ Ивановичъ велѣлъ уничтожить этотъ городокъ, а на его мѣсто построить новый, поближе къ Пѣгой Ордѣ. Исполнителями этой задачи, т. е. основанія новаго города и покоренія Пѣгой Орды, были назначены князь Ѳедоръ Борятинскій и Владиміръ Аничковъ. Царскій наказъ отъ 19 февр. 1594 г., данный этимъ лицамъ, гласилъ слѣдующее: „По указу государя Ѳедора Ивановича велѣно имъ быть на службѣ въ Сибири вверхъ по Оби рѣки ставить городъ въ Сургутѣ или въ Базіонской волости, въ Луменукѣ (Лунпукъ) въ которомъ мѣстѣ удобнѣе“. Еще зимою эти лица должны были прибыть въ Лозву, а оттуда, какъ вскрыется ледъ, на судахъ плыть въ Обскій городъ черезъ Пелымъ и Тобольскъ, взявъ въ этихъ городахъ служилыхъ людей по росписи, каковыя посланы пелымскому и тобольскому воеводамъ. Туда же, т. е. въ Обскій городокъ, еще велѣно прислать служилыхъ людей березовскому воеводѣ и остяцкому князю Игичею своихъ людей. А дождавшись въ Обскомъ городѣ упомянутыхъ войскъ, которымъ тамъ велѣно быть къ Петрову дню, князю Борятинскому и Аничкову предписывалось разломать и сжечь этотъ городъ, чтобы впредь ему не быть и затѣмъ идти въ назначенное мѣсто для постройки новаго города. „А пришедъ князю Ѳедору и Владиміру въ Сургутъ, въ которомъ мѣстѣ пригоже высмотря мѣсто крѣпкое поставить городъ всеми ратными людьми и тамошними остяками. Да то мѣсто написать въ росписи и на чертежѣ начертить и всякія крѣпости выписать, гдѣ станетъ городъ. Да отписать къ государю подлинно, какъ пойдутъ изъ Тобольска внизъ Иртышемъ и вверхъ по Оби и сколько будетъ ходу судамъ, чтобъ государю все было вѣдано“¹⁾. Изъ этого наказа видно, что городъ Сургутъ несомнѣнно построенъ лѣтомъ 1594 г. и Миллеръ несправедливо относитъ его основаніе къ 1593 г., а еще менѣе вѣрно указываетъ дату основанія Сургута Андріевичъ, голословно утверждая, что этотъ городъ заложенъ въ 1592 г., равнымъ образомъ и догадка Миллера, что Сургутъ построенъ воеводами Волконскимъ и Львовымъ, оказывается совершенно невѣрною²⁾.

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 л. 24, см. Наказъ Ѳедору Борятинскому и Владиміру Аничкову.

²⁾ Опис. Сиб. У. Миллера стр. 182, 195; Исторія Сибири Андріевича стр. 22.

Городъ былъ построенъ на правомъ берегу рѣки Оби при впадѣніи въ нее рѣчки Сургутки ¹⁾, т. е. почти посреди той части Оби, которая находилась между Обскимъ городомъ и Нарымомъ или Пѣгую Ордою. Какъ и всѣ сибирскіе города, Сургутъ представлялъ небольшую крѣпость съ двумя воротами, 4 башнями глухими и одной башней сквозной; въ ней были поставлены воеводскій дворъ, тюрьма, зеленый (пороховой) погребокъ и церковь, острогъ съ двумя воротами и одной сквозной башней; тутъ же находились и хаты для служилыхъ людей. Всѣ эти постройки воздвигнуты были въ одно лѣто 1594 г. Такой быстротѣ основаній сибирскихъ городовъ нечего удивляться: наказъ всегда предписывалъ воеводамъ строить городъ „наспѣхъ“, возить лѣсъ легкой и въ постройки д. б. принимать участіе не только всѣ служилые люди, но и ближайшіе инородцы. Поэтому часто случалось, что чрезъ какихъ нибудь пять лѣтъ послѣ основанія города послѣдній уже нуждался въ большомъ ремонтѣ, а лѣтъ чрезъ 15—20 воеводы доносили, что городъ совершенно ветхій и разваливается. Первоначальное населеніе Сургута состояло изъ 155 служилыхъ людей, прибывшихъ вмѣстѣ съ первыми воеводами, изъ которыхъ значительно большинство было семейныхъ, а затѣмъ изъ ружниковъ и оброчниковъ; къ послѣднимъ принадлежали: духовенство, подьячіе, толмачи, сторожа и палачи. Но уже черезъ два года число служилыхъ людей значительно увеличилось. Подчинить русской власти Пѣгую Орду оказалось не такъ легко, какъ предполагало правительство: князь Воня не поддавался увѣщаніямъ сургутскихъ воеводъ, не хотѣлъ добровольно платить ясакъ. Нужно было употребить силу, но прежнихъ служилыхъ людей оказалось недостаточно, чтобы смирить упомянутого князя. Поэтому правительство въ 1596 г. прислало въ Сургутъ еще 112 человекъ ²⁾, а въ 1601 г. сургутскихъ служилыхъ людей—казаковъ, стрѣльцовъ, литвы и черкасъ было 280 человекъ. Но не всѣ они постоянно жили въ Сургутѣ: съ построеніемъ остроговъ Нарымскаго и Кетскаго сургутскіе служилые люди посылались въ эти остроги въ качествѣ „годовальщиковъ“ человекъ по 20 въ каждый острогъ ³⁾.

¹⁾ Миллеръ думаетъ, что городъ получилъ названіе отъ рѣчки Сургутки, но это не вѣрно. Пѣлая область, гдѣ построенъ русскій городъ, называлась Сургутъ, подобно тому какъ выше была область Нарымъ и самая упомянутая рѣчка стала называться Сургуткою только послѣ основанія Сургута. Воеводамъ наказъ предписывалъ идти „въ Сургутъ“, построить городъ „въ Сургутѣ“.

²⁾ Р. II. Биб. т. II № 60.

³⁾ Сиб. Прик. кн. I, л. 111.

Въ 1601 г. въ Сургутѣ построенъ гостинный дворъ, а вмѣстѣ съ этимъ появились въ немъ и цѣловальники изъ посадскихъ людей для сбора таможенныхъ пошлинъ ¹⁾. По старѣйшему, дошедшему до насъ, именному списку города Сургута, население послѣдняго въ 1625 г. было такое, не считая женъ и дѣтей:

- 2 атамана казачьихъ.
- 2 поляка,
- 1 казакъ.
- 25 десятниковъ.
- 177 рядовыхъ служилыхъ людей,
 - 2 подьячихъ.
 - 1 черный поше.
 - 1 бѣлый поше.
 - 3 пушкря,
 - 1 толмачъ остяцкій.
 - 1 церковный дячекъ.
 - 1 пономарь.
 - 1 городской воротникъ.
 - 1 острожный воротникъ.
 - 1 валачь.
 - 1 новокрещенный остякъ.
 - 1 просвирница.

Всего служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ было 222 человекъ; годового денежнаго жалованья они получали 1175 р. 48 к., хлѣбнаго жалованья 1372 ч. муки и на круны и толокно—381 р. ²⁾.

Затѣмъ, во весь обозрѣваемый нами періодъ, т. е. до 1645 г., население Сургута не только не увеличивалось, но и постепенно уменьшалось: такъ, въ 1627 г. всѣхъ служилыхъ людей, ружниковъ и оброчниковъ въ именномъ спискѣ значится 216 человекъ ³⁾ въ 1635 г.—200 чел. ⁴⁾, въ 1642 г.—199 ⁵⁾, тоже число и въ 1645 г. ⁶⁾.

Что же касается денежныхъ доходовъ города Сургута, то они были ничтожны и никогда не покрывали расходовъ. Такъ, въ 1625 г. всего

¹⁾ Сиб. Пр. кн. 1, л. 105.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 458, л. 53.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 14, л. 365.

⁴⁾ Сиб. Пр. кн. № 78, л. 1267.

⁵⁾ Сиб. Пр. кн. № 30, л. 394.

⁶⁾ Сиб. Пр. кн. № 203, л. 307.

денежныхъ доходовъ было около 600 руб., а разныхъ денежныхъ расходовъ было 1304 р. 48 к. ¹⁾).

Статьи денежныхъ доходовъ по смѣтной книгѣ 1635 г. были слѣдующія:

Лавочныхъ пошлинъ	186 р.
Банныхъ денегъ	49 р. 6 к.
Судовыхъ (за продажу судов.)	7 р.
Съ рыбныхъ ловель, откуну	1 р. 8 к.
Судныхъ пошлинъ	14 р. 6 к.
Явочныхъ	3 р. 72 к.
Разныхъ пошлинъ	236 р. 72 к.
Мелкихъ доходовъ	2 р. 11 к.
Оброчныхъ	1 р. 48 к. ²⁾

Изъ этой смѣтной книги видно, что главную статью денежнаго дохода г. Сургута составляли пошлины съ торговыхъ и промышленныхъ людей; тоже, впрочемъ, мы наблюдаемъ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ того времени. Но въ первые годы существованія Сургута этихъ пошлинъ не было: для привлеченія сюда торговыхъ и промышленныхъ людей, правительство имъ объявило, что они въ новомъ городѣ будутъ пользоваться правами безошлинной торговли. Это распоряженіе, дѣйствительно, привлекло въ сургутскую область массу торговыхъ и промышленныхъ людей. Край оживился, но инородческимъ волостямъ появились вымичи, зыряне, пустозерны, пермичи, устюжане, двиняне, важане, коргопольцы, москвичи и иныхъ русскихъ городовъ торговый людъ, кто для промысловъ, кто для мѣновой торговли съ мѣстнымъ населеніемъ. Правительство скоро увидѣло, что данная льгота — какъ средство привлеченія въ сургутскую область купцовъ и промышленниковъ, болѣе не нужна и уже въ 1597 году приказало сургутскимъ воеводамъ, уничтожить эту льготу и собирать всякую пошлину, какъ и въ другихъ сибирскихъ городахъ ³⁾. Торговые и промышленные люди не могли оставить этого распоряженія безъ протеста и въ томъ же 1597 г. подали черезъ сургутскаго воеводу Лобанова - Ростовскаго челобитную царю, въ которой просили сохранить за ними прежнюю льготу: „мы люди бѣдные, писали они въ своей челобитной, платимъ всякія подати въ Перми, навимаемъ о Лозвы подводы подъ служилыхъ людей и подъ государевы запасы, перевозимъ сургутскимъ служилымъ людямъ масло,

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 8, л. 87.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 72, л. 1256.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 1, л. 46 и 47.

сало говяжье, мясо и сукна⁴... Но ссылка чужеземцев на ту пользу, которую они приносят сургутским служилым и посадским людям, не могла остаться без ответа: сами служилые люди жаловались царю, пленные люди, являясь в Сургутъ для торговли, выкупаютъ у нихъ хлебъ. Челобитная торговыхъ и промышленныхъ остроголовцевъ, въ которой сказано, что ты сдѣлалъ не гораздо, писали изъ Москвы, что принявъ у нихъ челобитную⁴... Затѣмъ воеводѣ, что торговые и промышленные люди сургутскаго населенія сургутскаго уѣзда торговали послѣдніе вслѣдствіе этого платятъ ясакъ въ ружьяхъ, московское правительство во-первыхъ инородческимъ юртамъ, а во-вторыхъ указомъ вымѣнивали у инородцевъ только низшаго качества, который въ парскую казну не годится, „а если кто изъ торговыхъ людей, послѣ этого, будетъ покушать и торговать ружьями, то бить кнутомъ, сажать въ тюрьму и имущество отбирать на государя“⁴). Эти мѣры не только ослабили приливъ въ сургутскую область, какъ вымѣнивать товаръ низшаго качества, но и лишили инородцевъ особенной выгоды. Вѣрно также объявить, что инородцы, которые вносили въ Сургутъ лучшую и среднюю ружья, приносили въ Сургутъ этотъ товаръ на государя, а чтобы русские не вымѣнивали бы только худую ружья.

Изъ этого видно, что царь, какъ первый изъ русскихъ, хотѣлъ быть въ конкуренціи съ своими подданными! Однако эти мѣры не вполне достигали цѣли: а) инородцы съ большою охотою вступали въ торговые сношенія съ торговцами, представляющими царской торговли, и б) русскіе инородцы обходили таможи и вывозили на Рибинскъ ружья. Но крайней мѣрѣ сибирскіе воеводы инородцы платятъ ясакъ плохую ружья и что въ ясакѣ бываетъ ежегодный недоборъ... Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы упомянутыя мѣры ставить въ вину московскимъ царямъ; онѣ вызывались не алчностью и наживой, а необходимостью. Царская казна не вынесла бы этихъ громадныхъ расходовъ, которые она затрачивала на содержаніе

инородцевъ на ту пользу, которую они приносятъ сургутскимъ служилымъ и посадскимъ людямъ. Говорятъ, что торговые и промышленные безъ хлеба и заставляютъ голодать. Цена безъ послѣдствій, но жалобѣ сургутскихъ инородцевъ выкупаютъ у инородцевъ соборы и лисицы и что государю казну плохую ружья запретило торговлю по указу, чтобы торговые люди не вымѣнивали низшаго качества пушного товара. Кто изъ торговыхъ людей, послѣ этого, будетъ покушать и торговать ружьями на пять и на шесть, то бить кнутомъ и имущество отбирать на государя. Эти мѣры въ значительной степени ослабили приливъ въ сургутскую область, какъ вымѣнивать товаръ низшаго качества, но и лишили инородцевъ особенной выгоды. Вѣрно также объявить, что инородцы, которые вносили въ Сургутъ лучшую и среднюю ружья, приносили въ Сургутъ этотъ товаръ на государя, а чтобы русские не вымѣнивали бы только худую ружья. Изъ этого видно, что царь, какъ первый изъ русскихъ, хотѣлъ быть въ конкуренціи съ своими подданными! Однако эти мѣры не вполне достигали цѣли: а) инородцы съ большою охотою вступали въ торговые сношенія съ торговцами, представляющими царской торговли, и б) русскіе инородцы обходили таможи и вывозили на Рибинскъ ружья. Но крайней мѣрѣ сибирскіе воеводы инородцы платятъ ясакъ плохую ружья и что въ ясакѣ бываетъ ежегодный недоборъ... Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы упомянутыя мѣры ставить въ вину московскимъ царямъ; онѣ вызывались не алчностью и наживой, а необходимостью. Царская казна не вынесла бы этихъ громадныхъ расходовъ, которые она затрачивала на содержаніе

⁴ Сиб. Пр. кн. 1, лл. 51, 57, 251 и др.

служилыхъ людей, ремесленниковъ и оброчниковъ въ сибирскихъ городахъ, если бы не имѣла права на монополію торговли пушнымъ товаромъ.

Возьмемъ хотя бы примѣра Сургута на его содержаніе — на денежное и хлѣбное довольствіе и разные необходимые расходы — нужно было въ годъ шіишши 200 т. рублей, между тѣмъ, какъ денежныхъ доходовъ въ этомъ городѣ собиралось въ царскую казну всего рублей 600. При такомъ ежегодномъ дефицитѣ царская казна обанкрутилась бы довольно скоро. Но ясакъ, собираемый съ инородцевъ Сургутскаго уѣзда, не только покрывалъ всѣ казенные расходы, но иногда давалъ излишекъ въ нѣсколько тысячъ рублей.

Сургутскій уѣздъ населенъ былъ исключительно остяками, и если въ царскихъ грамотахъ предписывается сургутскимъ воеводамъ собирать ясакъ и „сѣ шіишши“, то это зависѣло а) отъ того, что грамоты къ сибирскимъ воеводамъ писались по одному шаблону, а б) въ одной подгородной волости жили остяки, принявшіе магометанство, а таковыхъ инородцевъ русскіе воеводы называли татарами; на самомъ же дѣлѣ татаръ въ этомъ уѣздѣ нигдѣ не было.

Остяки подъ управленіемъ своихъ князей жили по волостямъ, разбросаннымъ на громадномъ пространствѣ всего Сургутскаго уѣзда. Въ наказѣ сургутскимъ воеводамъ говорится, что къ ихъ вѣдомству принадлежатъ всѣ остяцкіе „городки и волости, которые пошли отъ Сургута внизъ по Оби къ устьямъ Иртыша и которые пошли отъ Сургута вверхъ по Оби къ Шѣгой Ордѣ и выше“... Въ концѣ 16 вѣка такихъ волостей въ Сургутскомъ уѣздѣ было десять: Селіировская при р. Лямнѣ, Вазіоновская и Темлечеева на Оби, Салымская при р. Салымѣ, Юганская (Югорская тожъ) большая и меньшая по р. Югану, Бардакова по р. Бардаковкѣ, Луннокольская на Оби, Ларьятская по нижнему теченію р. Ваха, Вахская по верхнему теченію р. Ваха и Васлюганская по р. Васлюгану. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мы можемъ приблизительно опредѣлить и число ясачныхъ людей въ этихъ волостяхъ, именно ихъ было около 600 чел. Но скоро Сургутскій уѣздъ значительно увеличился.

Мы выше упомянули, что цѣль постройки Сургута главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы подчинить московской власти Шѣгую Орду или нарымскихъ остяковъ. Въ наказѣ строителямъ этого города предписывалось: „Воня сына Урунка взять съ собой въ новый городъ, и къ отцу его показать, чтобы онъ шлъ въ новый городъ въ Сургутъ и ясакъ съ себя и съ своей братіи Шѣгой Орды собралъ и привезъ къ вамъ. А вѣвударь его пожаловать, велѣлъ отдать ему его сына и велѣлъ держать его подъ своей высокой рукой. Буде самъ Воня .

въ новый городъ не будетъ, а пришлетъ ясакъ съ племянникомъ или съ лучшими людьми и имъ ясакъ взять и сына Воина отпустить къ отцу. Если же Воня ясакъ не пришлетъ и имъ, собравъ людей, Пѣгую Орду воевать, чтобы Воню извоевать, ясакъ взять и привести подъ государеву руку“...

Къ исполненію наказа воеводы должны были приступить немедленно послѣ основанія города. Но первые воеводы не могли сломить упорство князя Воин; чтобы выручить изъ плѣна своего сына, онъ прислалъ ясакъ въ томъ же 1594 г. и тѣмъ дѣло кончилось. Въ слѣдующемъ году первыхъ воеводъ смѣнили—на ихъ мѣсто назначены воеводой Осипъ Ѳ. Плещеевъ и головой Иванъ И. Калеминъ ¹⁾.

Но когда эти послѣдніе послали за ясакомъ къ князю Воин, то онъ ясачниковъ въ Пѣгую Орду не пустилъ и ясаку не далъ ²⁾.

Этого мало: Воня самъ рѣшился перейти въ наступленіе, началъ собирать войско, чтобы уничтожить городъ Сургутъ.

Новому русскому городу на Оби грозила серьезная опасность: Воин, какъ видно, былъ человѣкомъ энергичнымъ и, по словамъ сургутскаго воеводы, могъ выставить въ поле до 400 человѣкъ войска. Кромѣ того, изъ Сургута писали въ Москву: „сказывалъ князь Бардакъ, что царь Кучумъ подкочевалъ къ Пѣгой Ордѣ, ссылается съ княземъ Воней, и что они постановили межъ собой договоръ, чтобъ весною со всѣми своими людьми идти противъ Сургута“... Сообщая эти грозныя вѣсти, сургутскій воевода еще писалъ, что мирными средствами нельзя достигнуть, чтобы Воня платилъ ясакъ, а необходимо предпринять противъ него военный походъ и поставить въ его землѣ на время острогъ, пока воинскіе люди приведутъ къ покорности Пѣгую Орду и возьмутъ изъ лучшихъ людей заложниковъ (аманатовъ) изъ всѣхъ волостей. Получивъ эти извѣстія, московское правительство отнеслось къ нимъ очень серьезно; это видно изъ того, что оно немедленно рѣшилось снарядить обширную экспедицію противъ князя Пѣгой Орды. Велѣно тобольскому воеводѣ, выбравъ 50 лучшихъ служилыхъ людей, до 100 человѣкъ татаръ послать съ атаманами и боярскими дѣтьми въ Сургутъ, велѣно березовскому воеводѣ послать туда же 50 человѣкъ съ пятью полковыми пищалями, да еще извѣстный князь Игичей Алачевъ долженъ былъ выбрать изъ своихъ людей 100 человѣкъ и самъ съ своей братіей идти въ походъ противъ князя Воин. Въ эти войска, 300 че-

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 1, лл. 1—6.

²⁾ Ibid. л. 8.

ловѣкъ, должны были собраться въ Сургутѣ весною 1597 г. и поступить подъ начальство сургутскаго головы Ивана Калеминна; къ нимъ велѣно еще прибавить сургутскихъ служилыхъ людей 100 человекъ и 150 остяковъ изъ тѣхъ волостей, отъ которыхъ нельзя ожидать измѣны. Такимъ образомъ въ походѣ противъ Воня должны были принять участие всего 550 человекъ; такой многочисленной экспедиціи московское правительство не посылало даже противъ самого Кучума. Наказъ предписывалъ Калемину, посадивъ войска на суда, плыть вверхъ Оби въ Пѣгую Орду бережно такъ, чтобы князь Воня не провѣдалъ о походѣ, а пришедъ туда сначала поставить острогъ, а потомъ дѣйствовать противъ Пѣгой Орды „сколько Богъ помощи подастъ, и смотря по тамошнему дѣлу и по вѣстямъ“, чтобы непременно привести ее подъ царскую руку ¹⁾. Неизвѣстно почему, но походъ противъ Воня въ 1597 г. не состоялся. Очень можетъ быть, что его остановилъ бывшій въ это время бунтъ всей югорской земли; такъ какъ надъ усмирениемъ послѣдней трудился березовскій воевода съ своими служилыми людьми и съ людьми князи Игичел, то онъ не могъ исполнить повелѣніе Ѳедора Ивановича—послать въ Сургутъ помощь, а безъ ней вѣроятно не рѣшался начать войну съ Воней и походъ противъ него былъ отложенъ. Несомнѣнно только, что походъ въ Пѣгую Орду былъ совершенъ въ 1598 г. и съ тѣми же силами хотя и подъ начальствомъ другихъ лицъ. На успѣхъ и послѣдствія этого похода мы имѣемъ только косвенныя указанія. Именно, въ 1598 г. у сургутскихъ служилыхъ людей появилась масса плѣнныхъ и о нихъ-то сохранилась до насъ грамота царя къ сургутскому воеводѣ С. М. Лобанову-Ростовскому. Въ ней предписывалось, чтобъ воевода отобралъ у служилыхъ людей всѣхъ плѣнниковъ и которые не крещены отослалъ на родину, а съ тѣми, которыхъ служилые люди успѣли окрестить, поступить такъ: мужчинъ поверстать въ службу, женокъ и дѣвокъ выдавать замужъ за служилыхъ людей, которые захотятъ жениться; малыхъ ребятъ крещеныхъ поверстать въ службу, когда подрастутъ, а малыхъ дѣвокъ, когда подрастутъ, выдать замужъ за крещеныхъ людей, но чтобъ никто не смѣлъ плѣнныхъ вывозить на Русь подъ страхомъ смертной казни ²⁾. Очевидно, что эти плѣнные были результатомъ похода въ Пѣгую Орду. Еще въ 1597 году царь Ѳедоръ Ивановичъ, посылая въ Сургутъ воеводу Лобанова-Ростовскаго и голову Ржевскаго, наказывалъ имъ непре-

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 л. 8 и др.

²⁾ Сиб. Пр. кн. 1 л. 53.

мѣнно предпринять походъ съ тобольскими и березовскими служилыми людьми въ Пѣгую Орду, на князя Воюю, но этотъ наказъ могъ быть исполненъ только въ 1598 г. Съ этого времени Пѣгая Орда подчинилась московской власти и въ ея землѣ, построены въ томъ же 1598 г. русскій острогъ Нарымъ. О князѣ Воюи болѣе не упоминается въ документахъ, стало быть ему нанесенъ рѣшительный ударъ въ томъ же самомъ году, какъ и его знаменитому союзнику царю Кучуму. Последній не могъ исполнить своего обѣщанія помочь Воюи противъ Сургутя и вѣроятно потому, что ему самому въ это время не давали покоя энергичныя предпріятія тарскихъ воеводъ ¹⁾.

Со временемъ покоренія Пѣгой Орды, къ Сургутскому уѣзду присоединены новыя волости: Аслымская, Сымская, Корахонская по Оби и Тымская по р. Тыму. Затѣмъ и Муалымскаго городка остяки Ермачко съ товарищами били челомъ государю, что прежде они платили ясакъ въ Березовъ, а теперь желаютъ платить въ болѣе близкій городъ Сургутъ. И царь пожаловалъ ²⁾; эти остяки, жившіе на Оби при устьѣ Иртыша, въ такъ называемомъ Бѣлогорьѣ, составили новую волость въ Сургутскомъ уѣздѣ Бѣлогорскую. Въ 1602 г. воевода Борятинскій хотѣлъ было присоединить еще къ Сургутскому уѣзду Кунную самоядъ, жившую по рѣкѣ Пуру и съ этою цѣлью отправилъ Члужилыхъ людей подъ начальствомъ атамана Богдана Чубакина (изъ черкасовъ) къ самоѣдскимъ князьямъ — Акубѣ, Скамгѣ, Салымѣ съ жалованнымъ царскимъ словомъ и съ предложеніемъ платить ясакъ въ Сургутъ, но самоѣды отказали, потому что уже платили ясакъ въ Тазовскій городъ (въ Мангазею) ³⁾. Относительно числа ясачныхъ людей во всѣхъ волостяхъ Сургутскаго уѣзда мы можемъ сообщить данныя только съ 1625 года. Волости: 1) Бѣлогорская, въ ней лучшей человѣкъ Ертикъ Шайтанцикъ и ясачныхъ людей 11. 2) Силлярская, а въ ней лучшей человѣкъ Никома Атыревъ и ясачныхъ людей 37. 3) Темличеева, а въ ней князецъ Бозьянъ и ясачныхъ людей 60. 4) Саламская, а въ ней князецъ Автомахъ Ясабинъ и ясачныхъ людей 79. 5) Юганскія, а въ нихъ князецъ Ангачъ Миликъ и ясачныхъ людей 128. 6) Бордакова, ясачныхъ людей 87. 7) Лунпокольскіе, а въ нихъ князцы Рубашка и Салтыкъ, ясачныхъ людей 176. 8) Ларьяцкая, а въ ней князецъ Контей и ясачныхъ людей 33. 9) Ва-

¹⁾ См. наше изслѣд. „Заселеніе Сибири...“ стр. 145—147.

²⁾ А. М. И. Ю. Портф. Миллера № 477, 11, 5.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 л. 119.

ховская ¹⁾, ясачныхъ людей 6. 10) Васьюганская, а въ ней князцъ Юрлымко и ясачныхъ людей 81. 11) Аслымская, ясачныхъ людей 4. 12) Караханская, ясачныхъ людей 20. 13) Сымская, ясачныхъ людей 15. 14) Тымская, а въ ней князецъ Маръ и ясачныхъ людей 59.

Всего ясачныхъ людей старыхъ и новиковъ—въ Сургутскомъ уѣздѣ въ 1625 г. было 796 человекъ, а съ нихъ ясаку и помниковъ государскихъ и воеводскихъ собрано всякимъ звѣремъ до 160 сороковъ соболей по сибирской оцѣнкѣ болѣе, чѣмъ на 3 тысячи рубл. ²⁾.

Въ 1632 году ясачныхъ людей было 699 чел. ³⁾.

„ 1645 „ „ „ „ 786 „ ⁴⁾.

Да въ томъ же году отнята Ваховская волость у Дмитрія Алачеева (внука Игичея), въ которой ясачныхъ людей было 95, такъ что всѣхъ ясачныхъ людей (исключая женщинъ, дѣтей, холоповъ старыхъ и увѣчныхъ) въ Сургутскомъ уѣздѣ въ 1645 г. было 981 человекъ ⁵⁾.

Сургутскимъ воеводамъ никогда не удавалось взять полный ясакъ съ инородцевъ Сургутскаго уѣзда; ежегодно былъ недоборъ и иногда очень значительный, простиравшійся до нѣсколькихъ десятковъ сороковъ соболей. А между тѣмъ ясачный окладъ былъ не великъ: сначала они платили по 11 соболей съ человека, но съ 1610 г. вслѣдствіе жалобъ инородцевъ на тяжесть такого оклада, царь велѣлъ брать съ нихъ только по 9 соболей ⁶⁾. Не смотря на это облегченіе, инородцы и послѣ того никогда не выплачивали полного оклада и всегда находили какія нибудь объясненія этому: одни (1625 г.) жаловались, что были больны осенью и на промыселъ не ходили, другіе — что собаки „промышленные“ повимерли, третьи—что „лѣшня не удалась“, мало звѣря было въ промышленныхъ мѣстахъ и т. п. ⁷⁾. Но кажется самую настоящею причиною недобора ясака была лѣнь инородцевъ и нежеланіе ихъ выплачивать полный окладъ, зная снисходительность русскаго правительства, напр.: почти всѣ волости жаловались на недостатокъ звѣря въ 1625 г., а между тѣмъ русскіе промышленные люди

¹⁾ Въ Ваховской волости всего ясачныхъ людей было болѣе 100 человекъ, но въ ней ясакъ въ государственную казну платило только 6 человекъ, а остальные были пожалованы въ вотчинное владѣніе Игичею.

²⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 лл. 262—291, ясачная кн. 1625; Сиб. Пр. См. № 4 л. 82, а также см. отписки воеводы о томъ же лл. 255—257.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 34 л. 130.

⁴⁾ Сиб. Пр. кн. № 177 л. 178.

⁵⁾ Сиб. Пр. кн. № 221.

⁶⁾ Сиб. Пр. кн. 1 л. 159.

⁷⁾ Сиб. Пр. кн. лл. 262 и др.

въ томъ же году и въ тѣхъ же мѣстахъ добыли почти по 120 соболей на человѣка. Если возможна подобная добыча, то окладъ въ 9 соболей можно считать сравнительно малымъ, потому, что инородцы были болѣе искусны въ ловлѣ звѣрей, чѣмъ русскіе промышленники. При томъ ясакъ не обязательно было уплачивать соболями, а всякими пушными звѣрями, лишь бы цѣнность его равнялась девяти соболямъ; брали въ ясакъ—бобровъ, горностаевъ, лисицъ, разсомахъ, бѣлокъ и пр. Воеводы даютъ болѣе правдивое объясненіе, почему инородцы никогда не выплачиваютъ полного ясачнаго оклада. „Посылали мы, государь, пишутъ они, служилыхъ людей по остяцкимъ волостямъ высылать остяковъ на звѣровые промыслы для твоего государева ясака и поминковъ, но ходили немногіе люди, ... да и тѣ, которые ходили, полного оклада не заплатили, потому, что лучшихъ звѣрей тайно продали торговымъ и всякимъ людямъ..., а наказанье имъ чинить не смѣемъ, потому что, государь, въ указѣ написано: къ ясачнымъ людямъ держать ласку и привѣтъ и береженье и твой государевъ ясакъ собирать ласково, а не жесточью и не правожомъ...“¹⁾ Впрочемъ не всѣ воеводы относились къ инородцамъ такъ снисходительно; недоборъ ясака съ послѣднихъ былъ укоромъ для службы воеводъ и часто вызывалъ замѣчанія со стороны правительства. Поэтому нѣкоторые воеводы, чтобы показать свою службу, мало обращали вниманія на государевъ наказъ „собирать ясакъ ласкою“, а сажали инородцевъ въ тюрьму и держали ихъ по нѣскольку недѣль на правожѣ въ случаѣ неуплаты ясака. Къ такимъ ретивымъ сборщикамъ принадлежалъ Я. П. Борятинскій, бывшій воеводой въ Сургутѣ въ 1601 и въ 1602 гг. Онъ не церемонился съ остяками, а кнутомъ и тюрьмою заставлялъ ихъ выплачивать ясакъ. Инородцы верхнихъ волостей не вытерпѣли этихъ мѣръ (въ томъ числѣ и Пѣгая Орда): въ 1602 г. подняли бунтъ и измѣнили государю²⁾. Когда преемнику Борятинскаго сургутск. воев. Ѳ. Головину въ 1603 г. велѣно было произвести слѣдствіе о причинахъ бунта, то князья и лучшіе люди всѣхъ волостей единодушно показали Головину, что верхнія волости измѣнили потому, что Яковъ Борятинскій собиралъ съ нихъ ясакъ „не ласкою“, а „жесточью“. Получивъ объ этомъ дѣлѣ отписку

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 134 л. 420.

²⁾ Миллеръ (Опис. Сиб. Ц. стр. 250) несправедливо относитъ этотъ бунтъ къ 1598 г.; документъ, на который онъ ссылается, невѣрно указываетъ дату: слѣдуетъ читать не 106 (1598), а 110 (1602), потому что Яковъ Борятинскій былъ воеводой въ 1602 г., а въ 1598 г. Лобановъ-Ростовскій, а бунтъ несомнѣнно произошелъ при Борятинскомъ.

Головина, царь приказалъ ему: собрать въ Сургутъ князьковъ и лучшихъ людей всѣхъ волостей и объявить, что то дѣлалъ Борятинскій „воровствомъ“ и что впредь будутъ брать съ нихъ ясака столько, сколько можно имъ уплатить. Вообще московское правительство въ видахъ финансовыхъ, строго требуя отъ сибирскихъ воеводъ полного сбора ясака, и дѣлая имъ выговоры за недоборъ, въ тоже время изъ политическихъ видовъ относилось снисходительно къ самимъ плательщикамъ инородцамъ и даже дѣлало имъ поблажки. Не рѣдкость, что инородцы, не добывъ на промыслахъ мягкой рухляди, или просто распродавъ добычу торговымъ людямъ, чтобы уплатить ясакъ, занимали соболей у служилыхъ людей и въ закладъ отдавали женъ и дѣтей, но сейчасъ же били челомъ государю о своей бѣдности. И государь приказывалъ воеводамъ „полегчить въ ясакѣ“, а на выкупъ женъ и дѣтей выдать деньги изъ казны. А какъ въ то время дешевы были люди, можно судить потому, что напримѣръ одному князю Киршѣ, чтобы занять 12 соболей, нужно было отдать въ закладъ жену и двухъ сыновей¹⁾. Болѣе основательныя жалобы сургутскихъ инородцевъ на ямскую службу: они обязаны были давать подводы служилымъ людямъ, и подъ хлѣбные запасы отъ устьевъ Иртыша и до Нарыма. Въ 1625 г. сургутскіе остяки подали челобитную, наполненную самыми горькими жалобами на ямскую гоньбу: „Даемъ мы, жаловались они, подводы подъ воеводъ и всякихъ служилыхъ людей, а подводы, государь, берутъ съ насъ предъ прежними годами, многіе: лѣтомъ на судахъ ходимъ, а зимою съ женами тинемъ на себѣ нарты, и отъ подводъ терпимъ нужду великую; недѣли по двѣ и по три держатъ насъ на судахъ и многія нарты возить не перемѣняясь, потому что мы живемъ въ разныхъ мѣстахъ, а притѣсненія намъ дѣлаютъ великія всякія проѣзжія люди: снимаютъ съ насъ платишко, бьютъ насъ и не даютъ корму...“. Тягость ямской службы, по словамъ челобитчиковъ, увеличивается еще отъ того, что эту повинность иногда приходится исполнять въ то время, когда удобнѣе всего можно зацѣпиться на зиму рыбою. „А лѣто, государь, пишутъ они, живетъ у насъ не много времени и кромѣ рыбныхъ запасовъ у насъ, сиротъ твоихъ, иныхъ никакихъ нѣтъ: мѣсто у насъ бѣдное, хлѣба не нашемъ и скота нѣтъ никакого“. И если не зацѣпиться рыбою, жалуются инородцы, то хоть помирай голодною смертію съ женами и дѣтьми. Затѣмъ въ челобитной приводятся случаи, что нѣкоторые бѣдные люди, не успѣвшіе изъ-за ямской гоньбы сдѣлать запасы рыбы на зиму, при-

¹⁾ Сиб. Пр. кн. № 1 л. 157.

нуждены были есть собачину и человѣчину, что одна женщина отъ голоду съѣла двухъ дѣтей своихъ и пр. Тяжесть ямской службы казалась инородцамъ столь великою, что они соглашались платить ясакъ вдвое и втрое болѣе противъ положеннаго оклада, если только государь освободитъ ихъ отъ этой повинности. Дѣйствительно лѣнливыми людямъ, не привыкшимъ къ тяжелому физическому труду, ямская служба не могла быть легкою—возить на себѣ нарты или тащить бичевою суда вверхъ по Оби, хотя и при помощи собакъ—дѣло тяжелое. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, получивши эту челобитную, сдѣлалъ предписаніе сургутскимъ воеводамъ: собрать въ Сургутъ человѣка по 2 и по 3 изъ всѣхъ волостей и объявить имъ, что если остяки согласятся платить мягкою руклядью за подводы, то государь освободитъ отъ ямской гоньбы и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣно воеводѣ спросить, сколько инородцы намѣрены приплачивать за упомянутую льготу. Но оказалось на дѣлѣ, что челобитчики желали только льготы, и вовсе не были намѣрены что либо приплачивать. И если они писали, что за освобожденіе отъ ямской повинности будутъ выплачивать ясакъ вдвое и втрое, то это только фразы, написанныя съ цѣлью усилить тяжесть ямской гоньбы и разжалобить царя: Нѣсколько ранѣе этого времени, сургутскій воевода сдѣлалъ такой опытъ: по соглашенію съ инородцами Юганской волости онъ поручилъ за нихъ ямскую гоньбу отъ устья Иртыша до Сургута и обратно сургутскому служилому человѣку съ тѣмъ, чтобы юганцы заплатили соболями за эту льготу. За четыре мѣсяца такой службы (съ сентября по январь) служилый человѣкъ получилъ изъ казны 5 р. 25 коп.—каковую сумму и должны были уплатить остяки Юганской волости. По расчету на каждаго человѣка приходилось только по четыре копейки, но тѣмъ не менѣе юганскіе ясачные люди и этой ясачной суммы не уплатили сполна ¹⁾. Вообще къ челобитнымъ инородцевъ, какъ къ историческому матеріалу, нужно относиться критически, не особенно довѣрять ихъ жалобамъ, а въ противномъ случаѣ можно сдѣлать совершенно ложные выводы относительно положенія инородцевъ подъ игомъ русской власти и отношенія къ нимъ русскихъ людей. Сургутскіе остяки на примѣръ жалуются, что служилые люди отнимаютъ у нихъ носильное платье, но въ то же время, они въ своихъ челобитныхъ пишутъ, что большая часть изъ нихъ люди настолько бѣдные, что ходятъ только въ однихъ рыбныхъ кожаникахъ“, поэтому трудно предположить, чтобы служилый человѣкъ могъ польститься на подобное платье. Въ 1626 г. тѣ же ино-

¹⁾ Сиб. Пр. Ст. № 11 лл. 139—148; ст. № 8 лл. 23—34; кн. № 1 л. 159.

родцы жаловались Михаилу Федоровичу, что воевода Безобразовъ въ 1625 г. вписалъ въ ясачные списки молодыхъ, старыхъ и увѣчныхъ людей 256 человекъ и заставилъ ихъ платить ясакъ паравнѣ съ прежними, но изъ ясачной книги того года мы видимъ, что прибрано новиковъ не 256, а только 46 и при томъ въ списки записывались только тѣ остяки, на которыхъ они сами указывали и не моложе 15 лѣтъ и не старше 50. Не слѣдуетъ также смотрѣть на сибирскихъ инородцевъ—остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ, какъ на робкихъ, невинныхъ дѣтей природы, которымъ русскіе дѣлаютъ только обиды, а сами они беззащитны. Правда, воеводы и служилые люди относились къ нимъ не всегда человѣчно, дѣлали прижимки при сборѣ ясака, а иногда позволяли себѣ даже грабежъ; такое отношеніе, дѣйствительно, тяжело отзывалось на благосостояніи инородцевъ и жалобы послѣднихъ на своихъ притѣснителей большею частію справедливы. Но инородцы въ то же время жалуются и на торговыхъ и промышленныхъ людей, что они не только „звѣрують въ ихъ лѣсахъ“, но и грабятъ. Это послѣднее не вѣрно. Слѣдственные дѣла и показанія воеводъ не оправдываютъ подобныхъ жалобъ. Нужно замѣтить, что русскіе люди въ большинствѣ случаевъ ходили на промыслы человекъ по 2 и по 3 и стало быть ни въ какомъ случаѣ не могли быть нападающею стороною. Напротивъ, инородцы часто нападали на нихъ, отнимали добытую мягкую рухлядь и самихъ убивали. Это подтверждаютъ и жалобы промышленныхъ людей и донесенія воеводъ и слѣдственные дѣла. Въ 1617 году остяки Бардаковой волости дошли даже до такой дерзости, что подъ начальствомъ двухъ сыновей Бардака напали на русскаго воеводу Бабарыкина, плывшаго по р. Оби въ г. Томскъ, и нанесли ему жестокой погромъ. Первые вѣсти объ этомъ дѣлѣ были въ высшей степени тревожны: говорили, что сургутскіе остяки и нарымскій князь Дова со всѣми своими людьми подняли бунтъ, убили Бабарыкина и 60 человекъ русскихъ и уже идутъ для разгрома Сургута ¹⁾. Но на дѣлѣ оказалось, что это не бунтъ, а простой разбойническій набѣгъ бардаковыхъ дѣтей со своими людьми: они дѣйствительно убили нѣсколько русскихъ людей, сопровождавшихъ Бабарыкина, отняли царскую казну въ 400 р., а самъ воевода спасся и благополучно добрался до Томска ²⁾.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что христіанство имѣло очень слабый успѣхъ среди инородцевъ Сургутскаго уѣзда: во весь обозрѣваемый нами періодъ мы встрѣтили только одного остяка подгородной Юганской во-

¹⁾ А. М. П. Д. Порф. Миллера 478, 11 № 67.

²⁾ Сиб. Пр. кн. 1 л. 247.

лости, принявшаго крещеніе и жившаго въ Сургутѣ. Обыкновенно новокрещенцы записывались въ царскую службу, но въ спискахъ сургутскихъ служилыхъ людей мы не встрѣчаемъ никого изъ сургутскихъ инородцевъ.

Нарымъ и Нарымскій уѣздъ (1598—1645 гг.).

Несомнѣнно, что первый Нарымскій острогъ построенъ въ 1598 г., въ годъ покоренія князя Пѣгой Орды Вони. Но о мѣстѣ этого острога мы не имѣемъ точныхъ данныхъ. Мы знаемъ, что Нарымскій острогъ переносился нѣсколько разъ съ одного мѣста на другое, прежде чѣмъ онъ занялъ нынѣшнее положеніе при впаденіи р. Кети въ Обь. Но гдѣ его первоначальное мѣстоположеніе? Миллеръ утверждаетъ, что прежнее мѣсто отстоитъ отъ нынѣшняго внизу при Оби въ 16 верстахъ, и называется старое Городище¹⁾, т. е. тамъ, гдѣ нынѣ находится деревня Городищенская²⁾. Но это не вѣрно. Въ древнѣйшихъ документахъ, относящихся до Нарыма, мы находимъ нѣныя указанія на первоначальное мѣстоположеніе этого города. Нужно замѣтить, что царскій наказъ предписывалъ сургутскимъ воеводамъ построить острогъ въ землѣ Пѣгой Орды только на одну осень, „пока они приведутъ волости подъ царскую руку, возьмутъ ясакъ и закладчиковъ изъ лучшихъ людей, а острогу въ Пѣгой Ордѣ и нашимъ людямъ вредъ не быть, потому что мѣсто дальнее, вода верховая—запасы проводить туда тяжело, а милымъ людямъ въ острогѣ, въ Пѣгой Ордѣ быть нельзя, потому что у князя Воня съ братіей и дѣтьми собирается до 400 человекъ“³⁾. Затѣмъ въ наказѣ предписывалось, что какъ только сургутскіе воеводы исполнятъ свою задачу относительно нарымскаго князя Воня, то должны немедленно острогъ разорить. Но острогъ не былъ разоренъ и для этого, вѣроятно, нашлись уважительныя причины. Для сбора ясака съ нарымскихъ остяковъ и для того, чтобы ясачныхъ людей держать въ повиновеніи, сургутскіе воеводы стали посылать въ нарымскій острогъ „годовальщиковъ“ по 20 человекъ изъ сургутскихъ служилыхъ людей. А такъ какъ этотъ острогъ первоначально строился на время, то при основаніи его церкви не было поставлено, какъ это обыкновенно дѣла-

¹⁾ Опис. Сиб. II. стр. 259.

²⁾ Эта деревня отстоитъ отъ нынѣшняго Нарыма въ 5 верстахъ и названіе ея произошло отъ городища какого-нибудь инородческаго князя, можетъ быть кн. Воня.

³⁾ Сиб. Пр. кн. № 1.